

Путешествие

— Как мне надоел этот дряхлый сундук,— прошипела Нина, пнув ножкой в розовой тапке по его потемневшему боку.

Тапка зацепилась за замысловатые, потемневшие от времени узоры, Нина, неловко повернувшись, чуть не упала. Я успел её подхватить. Тапка же так и осталась висеть на сундуке.

— Он мою тапочку испортил,— взвывала Нина, прыгая на одной ноге.

— На,— расхохотался я, резким движением оторвав зацепившуюся тапку.

— Тебе смешно, да? — Нина со всех сторон рассматривала тапочку, продолжая стоять на одной ноге.

— Ага-а-а,— улыбался я.— Ничё с твоей тапкой не стало.

— Выкинь, да, этот сундук,— заныла Нина,— он старый, дряхлый, место занимает.

— Он старинный и красивый,— возразил я,— и места у нас тут много.

— Он поранит меня ног,— всхлипнула Нина,— если б не мои тапки.

— Не надо было его бить,— сказал я строго,— это была самооборона.

— Продай его, если он старинный,— попыталась улыбнуться Нина,— купишь мне платье.

— У тебя в этом сундуке есть платья,— я приоткрыл крышку,— золотом расшитые.

— Да ну, этот нафталин, кто их сейчас носит? Место только занимают,— хмыкнула Нина и, даже не взглянув на сундук, вышла из комнаты.

Я открыл крышку. Комнату моментально наполнил запах нафталина. Для меня это был запах детства. Запах лета.

Жили мы в городе. А почти всё лето проводили в селе. В те времена мама в селе носила старинную, традиционную одежду. А в городе уже нет. Вот и лежали эти платья в сундуке по десять месяцев в году. Обильно переложенные нафталином. И один из первых запахов, которым меня встречал мой маленький старинный сельский дом, это был запах нафталина. Когда мама и старшая сестра доставали свои негородские наряды из сундука. Я всегда знал во время прогулок по селу, кто из женщин городская, а кто местная. Определял это по аромату нафталина.

— Вот ты почему не носишь бешмет или черкеску? — услышался голос Нины из-за двери.

— Так нету же,— ответил я,— не сохранились.

— Так закажи новые и носи,— ехидно ответила Нина.— Нет желания, да?

— Ну как-то... — замылся я.— Даже мой дед не носил.

— Вот такие вы, мужики,— Нина показала на пороге.— Сами уже поколениями не носите старьё, а мы, женщины, должны, да?

— Ты и так не носишь, я же не заставляю,— ответил я, не переставая разглядывать узоры то на платьях, лежащих в сундуке, то на самом сундуке.

— Вот поэтому и выкинь, а то я сама выкину,— строго произнесла Нина.— Домик и так маленький, перенесём сюда шкаф, в зале просторнее будет.

— Мы тут только летом пару недель проводим, чего ты к сундуку прицепилась? — воскликнул я.

— Хочется эту пару недель провести как человек, а не пыль с этого хлама стирать. Ну отвези на свалку его,— проворчала Нина и опять исчезла в дверях.

Я ничего не ответил, присев на краешек открытого сундука, наслаждался окружающим меня интерьером.

Пол был каменный, из больших, отполированных временем плит чёрного сланца, щели между которыми были покрашены синей побелкой. Стены тоже были синие. Как небо в безоблачный день. Помню, в детстве я очень любил красить стены и щели между плитами в синий цвет. Для этого мы добавляли в извёстку синьку.

Потолок же был чёрный. Балки, на которых лежали такие же каменные сланцевые плиты, были черны от многолетнего дыма. Я их другими и не помнил. Дым от печки, а ещё ранее от очага, закоптил потолок. Мы почему-то никогда его не красили. Стёкла в старом деревянном окне позвякивали от ветерка. Мне было уютно и безмятежно. Я вспомнил, как в детстве, когда мы играли в прятки, я иногда прятался в сундуке. Ложась прямо поверх всех этих колющихся золотыми нитками платьев. Да и сейчас я могу здесь поместиться.

Я собрался было уже залезть в сундук, как в дверях вновь появилась Нина.

— На свадьбу не собираешься?

— Со свадьбы на свадьбу,— ответил я,— от вчерашней ещё голова болит.

— Пей меньше, — улыbnулась Нина.

— Да разве дадут? — усмехнулся я и закрыл крышку сундука. — Но сегодня две свадьбы, двойная доза. — Да уж, — вздохнула Нина, — навтыкаешься по полной. Приходи домой пораньше, я тебе позвоню, когда мы домой пойдём.

— Постараюсь, — рассмеялся я, незаметно для неё выключая телефон.

Тоже мне, при пацанах она звонить мне будет и домой забирать. Нашла каблука!

Уже светало, когда я, покачиваясь то ли от усталости, то ли от количества выпитого, возвращался домой. Еле оторвавшись от шумной компании друзей и родственников. Водка, особенно тут, в горах, никогда не пьянила меня сильно, но сегодня была двойная доза. Я всё-таки решил, что это не усталость. Но завтра продолжение свадьбы, и поэтому надо хотя бы пару часов поспать.

Тихо, стараясь не разбудить жену и детей, я отпер старинную тяжёлую дверь, сделанную из толстых досок, ведущую во двор. Скинув кроссовки, тихо, крадучись, зашёл домой. Все спали. Я уже тоже собрался было прилечь. На диване, в зале, прямо так, в одежде. Но почему-то пошёл в ту самую маленькую комнату, где стоял сундук.

Лунный свет выхватывал из тьмы сундук, казавшийся в этом мертвенно-бледном свете мрачной каменной глыбой. Я поднял крышку и, покачнувшись, упал в пропахшее нафталином нутро. Крышка упала следом и больно ударила меня по голове.

Проснулся я от петушиного кукареканья и звона колокольчиков вперемежку с мычанием.

Голова болела. Приподняв крышку сундука, я прищурился от яркого солнечного света, что слепило сквозь окно. Перевалившись через край, я, кряхтя, вывалился на пол. Телефон вывалился из кармана и упал в сундук. Но мне было лень нагибаться за ним. В горле пересохло. Очень хотелось в туалет. В доме было тихо. Все, по-видимому, спали.

Осторожно ступая, дабы никого не разбудить, я вышел из комнаты. В зале никого не было. Более того, в зале не было мебели. Не было стола и стульев. Ни дивана. Пройдя дальше, на веранду, я вдруг понял, что в доме всё по-другому. Веранда была не застеклена!

Протерев глаза, я попятился к туалету. Он, к счастью, был на месте. Только дверь была какая-то свежая, как будто только сколоченная. Из не успешших потемнеть досок. Едва я прикоснулся к двери, как она открылась мне навстречу. Оттуда вышел усатый мужик в каком-то кафтане, лицо которого мне показалось знакомым.

— Ты, это... чего тут? — пролепетал я, похолодев от ужаса.

— Ты кто такой? — злобно прорычал мужик и двинулся на меня.

— Я? Я, это... А ты, это ты кто? — еле шевеля языком от страха, лепетал я, пятясь назад.

— Во-оры! — вдруг заорал мужик и бросился на меня.

Я побежал вниз, по каменной лестнице, соображая, как бы побыстрее открыть тяжёлую дверь во двор. Но двери не было. Вместо неё у выхода со двора лежали свежеструганные толстые доски. Перемахнув через них, я рванул вниз по знакомым улочкам, чуть не сбив по дороге с ног девушку, поднимавшуюся с кувшином, полным воды. Давненько я не видел, чтобы девушки так ходили за водой, все на машине канистрами возят. Но разглядывать девушку у меня времени не было. Крики и шум доносились сверху, от моего дома. Я бежал, бежал, и вдруг дома закончились. Я остановился. По всем моим расчётам, дома не должны были тут заканчиваться. Но вокруг были лишь трава и коровы, привычно жующие жвачку. Впереди был лесок, у которого до этого утра и заканчивались дома. Я побежал туда.

Село стало каким-то маленьким. Нигде не было застеклённых веранд. Но коров было много; никогда, даже в детстве, я их столько тут не видел. Неподальку виднелись и барашки. Всё выглядело так, как мне описывал дед, когда был жив. Обесиленный, я опустился на траву. Я не знал, что делать и куда бежать. Может быть, если заснуть, то проснусь там, у себя дома, подумал я и, убаюканный ласковым солнышком и шелестом листвы, уснул.

Проснулся я от собачьего лая и чих-то тяжёлых шагов. Приподнявшись, я сел; солнце уже клонилось к закату. Шум и крики, доносившиеся со стороны села, утихли.

— Так это ты вор? — чья-то тяжёлая рука опустилась мне на плечо, а впереди меня на траве улеглась собака.

— Я? Нет, нет, — прошептал я, не в силах не только куда-то бежать — даже повернуть голову к говорившему у меня не было сил.

— Слишком ты приметно для вора одет и без обуви по лесу бегаешь. Как тебя сюда занесло-то? — улыbnулся бородатый мужик в каракулевой папахе, усевшись рядом со мной. — Лицо-то у тебя знакомое, но такую одежду вижу впервые.

— Я в сундуке уснул, — торопливо заговорил я, — после свадьбы, выпил я, ну, спать захотелось.

— Сундук — это понятно, всё самое ценное там, — усмехнулся он. — А сапоги, когда бежал, хозяева сорвали?

— Сапоги? Какие сапоги? Лето же, у меня кроссовки, — только сейчас заметил, что всё это время был босиком, кроссовки так и остались у порога дома.

— Что там у тебя, ты хозяевам расскажешь, — уже без тени усмешки на лице произнёс незнакомец. — Идём.

— Идём, — ответил я и поднялся.

Мы пошли обратно в село. Я уже понял, что я попал куда-то в прошлое. Я не раз представлял своё село таким, да и на редких фото столетней давности видел, как оно выглядело. Но оставаться здесь — не вариант. Зарежут ещё. Надо бежать. Но как? Обычно в фильмах о перемещениях в прошлое возвращение обратно происходит, если вернуться в то место, откуда ты попал сюда. Сундук! Точно! Но как?

Мы уже зашли в село, когда я, улучив момент, побежал. Но побежал не в сторону своего дома. А в противоположную. А оттуда — по крышам. Тем более они здесь плоские, глиняные. Не то что в моём детстве, когда я нередко по крышам убегал, после того как нас засекали в чужих садах. Все бежали по улицам. А я по крышам. Почти все дома же впритык друг к другу. Уступами, ступенями, как соты, облепившие склон. И меня никогда не ловили. Я по крышам, стараясь не шуметь, добирался до своего дома. И по старой груше забирался домой. Вот только есть ли здесь и сейчас эта груша? Если и есть, то точно не старая.

— Убежа-а-ал, — слышались крики.

— Далеко не уйдёт без обуви, — басил голос бородача.

— Ну, попадётся он мне, — злорадствовал кто-то. — Он и не украл ничего, и одет странно. Может, просто заблудился? — я узнал голос усатого мужика, что встретился мне у меня дома.

Смеркалось. Это было мне на руку. Я надеялся, что меня не заметят. Голоса людей удалялись в противоположную часть села. Я же, осторожно перебираясь с крыши на крышу, шёл к своему дому. Отсутствие обуви было мне на руку, шума меньше. Дом, где старинные, потемневшие от времени деревянные ворота были всего лишь свежевystруганными досками, был всё ближе. И больше мне здесь некуда было идти.

Не знаю, сколько я пробирался уже почти в полной темноте, лишь луна освещала мне путь. Грушевого дерева у моего дома, естественно, не было. Но я осторожно спустился в дворик и забрался наверх по выступающим камням. Так я делал ещё с детства.

Сундук был на своём месте. Он и там, в моём времени, на этом же самом месте. Получается, он всегда на одном и том же месте. Вот только Нина взбелась на него. Как будто он ей мешал. Прикрыв за собой окно, я залез внутрь и осторожно опустил крышку. Уютно устроившись, я понял, что засыпаю.

Проснулся я от грохота. Сундук трясся и скрипел. Я приоткрыл крышку. Внутрь немедленно залетел какой-то пакет и ворвался отвратительный запах. Я несколько раз попытался вылезти, но трясающийся сундук забрасывал меня обратно. Вскоре шум прекратился, и сундук вместе со мной

стал наклоняться. Я вновь ударился головой о крышку сундука, и шишка на голове заболела. Кувырнувшись несколько раз, он остановился. Наступила тишина.

Некоторое время я лежал, не в силах шелохнуться, вперемешку с платьями и пакетами, что залетели внутрь. Убедившись, что больше не трясёт, я выглянул наружу. В лунном свете были видны кучи мусора. Как я сюда попал, было непонятно. Но судя по запаху и валяющимся там и тут пакетам, это была свалка. И это было моё время.

— Ура-а-а, — выкрикнул я и, выкинув из сундука попавший туда пакет, потирая шишку на голове, выбрался наружу.

Оставалось только выяснить, почему я попал сюда, на свалку. Покопавшись в куче платьев и отрезков ткани, я нашёл телефон. Он был выключен. Ах да-а, я же его сам выключил. Но стоило мне включить телефон, как посыпались сообщения. Кто мне только не звонил. Но больше всего Нина. Я сразу же набрал ей.

— Алё, алё, ты где? Ты куда пропал? — услышал я её встревоженный голос. — Я всех обзвонила, тебя нигде нет, кроссовки дома, тебя нет.

— Я, это... — растерялся я. — Тут.

— Я же говорила тебе, не пей столько. Ты где? У кого? Куда босиком ушёл? — чуть ли не кричала она.

— Я не знаю, — пролепетал я, — на свалке вроде.

— На какой свалке? — удивлённым голосом спросила Нина.

— Не знаю. Я был в прошлом и оттуда почему-то попал на свалку, в сундуке, — с трудом выдавил я из себя.

— В каком сундуке? — почти по буквам произнесла Нина.

— В нашем, ну, не в этом нашем, в том, что потом станет нашим, ну, это, из прошлого, — я не знал, как ей всё это объяснить.

— Ты что, всё это время был в сундуке? — спросила Нина.

— Ну да, — воскликнул я, — ну, не всё время, ну, почти.

— Боже мой, я же говорила тебе — не пей, говорила же, — застонала она.

— Какое это имеет отношение? — удивился я.

— Как ты мог не услышать, как? — закричала она. — Целый час сундук вытаскивали, грузили — как ты мог не проснуться?

— Вытаскивали? — тихо переспросил я. — Откуда?

— Из дома, — так же тихо ответила Нина.

— Загружали куда? — постепенно осознавая произошедшее, спросил я.

— В мусорную машину, — ещё тише ответила Нина.

— Ты выкинула сундук, не спросив меня и даже не открыв его? — зорал я.

— Он мне надоел, я тебе говорила — выкинь, — испуганным голосом ответила Нина. — Ты тоже

пропал, я думала, что ты где-то продолжаешь банкет.

— Вот я вернусь—я тебе так продолжу банкет, так продолжу, я тебе так выкину, ну погоди!— закричал я в телефон и, схватив сундук за ручку, потащил его за собой, хоть и не знал, куда идти.

Но мне было всё равно. Главное—идти. Главное—добраться до неё.

А уж там-то я ей устрою!

Карантин сближающий

— Здрасьте,—экран телефона засветился сообщением.

— Забор покрасьте,—немедля ответил я.

— С коня слазьте,—последовал ответ Миши, моего одноклассника, проживающего нынче в Земле обетованной.

Такое приветствие было нашей традицией с самого детства. Была у нас соседка, языкастая тётя Нина, которая знала неисчислимое количество присказок и фраз на любой случай. И мы, дети, взяли за привычку обращаться к ней по поводу и без оного. Нам было интересно слушать её ответы. Мы сами—думаю, это было неизбежно,—стали использовать все эти замысловатые обороты речи. А потом это вошло в привычку.

— Кони подошли усе от работы-то,—ответил я, на ходу придумывая ответ в стиле тёти Нины.

— Как вы там? Рассказывай,—поинтересовался Миша.

— Да вот, собираемся пойти пивка вмазать, пивбар наш открыли,—ответил я.

— Пивка-а-а!

Мишин ответ был хоть и короткий, но весьма эмоционален. Я живо представил себе, как он был раздосадован. И было отчего... В Израиле вновь объявили карантин. Миша уже жаловался на данное обстоятельство. У нас же течение жизни почти вернулось в привычное русло.

— Ну так выпей, кто ж мешает,—не без издёвки ответил я.

— Сам на сам пить—это уже алкоголизм,—Миша сопроводил ответ грустными смайликами.

— Так позови кого или сам сходи,—попытался я найти выход из ситуации,—или вместе сгоняйте ещё к кому.

— Законопослушные здесь все,—ответил Миша.

— Салам-шалом, Миша, не переживай, мы тебе трансляцию включим,—подключился Мага, другой наш одноклассник.

— Ага, и будет уже не сам на сам,—усмехнулся я.

Эту группу в мессенджере мы завели во время пандемии. До того как-то обходились личным общением. А тут свободного времени стало много. Да и захотелось поболтать всем вместе. Мы не собирались уже много лет. Миша вот в Израиле. Юрка в своём Дойчланде, как-никак немец, Арсен

в Сургуте. Ильяс в Москве. А здесь, в городе нашего детства, остались лишь я, Мага и Русик.

— Да, это идея, врубим дезертирам трансляцию,—объявился и Русик.

— Засуньте себе в одно место свою трансляцию,—Миша сопроводил своё сообщение сердитым смайлом.

— Да, Миша, вот как всё обернулось,—ответил я ему,—зато не заболеешь.

— У нас тут в одной машине можно ехать только членам одной семьи,—появился Юрка, отвечая на мою реплику,—так что не сгоняешь.

— С этим у нас проблем не было. Кто с кем едет—кому какое дело? Да и блокпосты эти мы объезжали, мы ж не дураки,—вспомнил Русик.

— А сейчас всё как обычно. Я уже выехал, подтягивайтесь, я столик займу,—Мага всегда был первым, когда дело касалось пива и прочих напитков.

— Выхожу,—Русик от Маги тоже особо не отставал.

— Мне только майку натянуть,—написал я и положил телефон на стол.

Майка лежала тут же, на диване. Несколько движений—и можно выскакивать на улицу. Вызвав предварительного такси. Но я не двинулся с места. Мне стало грустно. Грустно до слёз. Только сейчас я осознал, насколько сблизились мы за эти несколько месяцев.

Да, мы никогда не теряли друг друга из вида. Общались, сначала обычными смс-ками, потом в «Одноклассниках». А сейчас в вездесущих мессенджерах. Но всё равно это были разные миры. Я, Мага и Русик были здесь, в реале. Встречались, собирались друг у друга по поводу и без оного. Арсен и Ильяс появлялись в основном летом, когда приезжали в отпуск. Миша, Юрка же за все годы приезжали лишь два раза. Оно и понятно: пока приберешься из-за границы... У всех дела, семья, заботы.

Но всё изменилось с приходом этой заразы. Мы все оказались запертыми дома. И все были в равном положении. В Интернете. Не было тех, кто здесь, кто там, а кто и вообще за горизонтом. Целые вечера проходили у нас в нескончаемых видеоконференциях. Мы болтали без умолку, смеялись, вспоминали былое и придумывали новое. Мы вновь были той беззаботной компашкой. Как в детстве, проводили все вечера вместе.

И вот этому пришёл конец. Мы трое едем пить пиво. И никого из друзей не можем взять с собой. Мы возвращались в реальную жизнь.

— Миша, у вас там телепортацию не изобрели?—Арсен вышел на связь.

— Если б изобрели, я б уже за столом с Магой сидел,—последовал ответ.

— Я на днях к вам рвану,— появился и Ильяс,— по делам, ну и заодно. Маски, перчатки проверяют по городу?

— Да не, какие перчатки?— ответил я.— Маску в кармане носи, если что— нацепишь.

— У нас тут в метро постоянно: «Без маски и перчатки не выходить»,— но всё равно мало кто носит, перчатки так вообще.

Почитав сообщения, я надел майку, вышел из дома. Обсуждать все эти темы про маски и перчатки у меня не было никакого желания. Такси долго ждать не пришлось. Вскоре мы сидели за столом, немедленно заполнившимся запотевшими пузатыми бокалами. Русик, полужёва в кресле, смаковал пенный напиток. Мага с видимым удовольствием разделявал тарашку. Мне же стало одиноко. Чего-то не хватало. Вновь накатила грусть.

— Пацанов бы сюда,— вздохнул я.

— Ага, особенно Мишку,— усмехнулся Русик, оторвавшись от бокала.

— Этот поезд ушёл, братан,— с некоторой грустью в голосе произнёс Мага.

— Почему это?— не согласился я.— А как же все эти наши посиделки?

— Это да,— Русик отставил бокал в сторону.— Мы поиграли в виртуальный мир, но уже всё, возвращаемся в реальность.

— Они там, мы здесь,— Мага взялся за бокал,— и обратно не соберёшь этот пазл.

— Получается, это карантин собрал нас, дал нам шанс!— воскликнула я.

Мне никто не ответил. Поколебавшись, я всё же создал видеоконференцию.

Первым присоединился Миша. А вскоре добавились и остальные. Какие-то мгновения все молчали.

— Наша пивнушка? Да? Эх!— рассмеялся Миша.

— Делу время— пиво шас,— ответил Мага, поднимая бокал.

— Пиво пей, но помни твёрдо: от него краснеет морда,— прокричал Ильяс.

— Было бы пиво, а живот найдётся,— Юрка уютно устроился в кресле с бутылкой в руках.— Я словно чувствовал, тоже с пивком!

— Не-е, в бутылках всё равно не то, химия,— Русик ткнул пальцем в экран, обращаясь к Юрке.

— Я как прилечу, так сразу к вам,— торопливо проговорил Ильяс; видно было, что он находится за рулём.— Соберёмся.

— Хорошо вам, гады,— добродушно проворчал Арсен.

— Пацаны,— расчувствовался я,— пацаны, давайте не будем теряться, хоть какая-то польза от этой эпидемии.

— Как только границы откроют, я к вам,— Миша хлопнул ладонью по столу.— Соберёмся.

— Приехать-то— это хорошо,— Мага, опустошив бокал, отставил его в сторону,— но всё равно не верю я, что мы опять будем собираться вечерами, как во время карантина.

— Почему это?— удивился Ильяс.

— Дела закрутят,— согласился с Магой Арсен,— то один занят, то другой.

— Нам остаётся только ждать новой эпидемии, получается?— усмехнулся Юрка.

— Ага, второй волны. Или третьей,— нахмурился я.— Вот только этого не надо,— замахал руками Миша.

— Ага-а, боишься, шо вас ваще закроют,— смеялся Русик.

— Закроют в реале, так мы оторвёмся здесь,— добродушно улыбался Ильяс.

— Прорвёмся!— Мага поднял полный бокал и коснулся им экрана телефона.

Нам было хорошо. Весело. Уютно. Мы были вновь вместе. Но в то же время и грустно. Мы словно вновь прощались с нашим беззаботным детством, так удивительно повторившимся благодаря этой мировой заразе...